

ЛУГАВЦОВА А.П.

БУДДИЙСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ПОЭЗИИ КОБАЯСИ ИССА

Аннотация. Пришедший из Китая в VI веке буддизм во многом сформировал эстетические идеалы японской культуры, наделив её уникальными и запоминающимися чертами. Говоря о буддийских мотивах в японской культуре и литературе в частности, в первую очередь, необходимо упомянуть учение Дзэн, однако, помимо этого учения, существовали и другие направления, чьё влияние на литературу и поэзию Японии трудно переоценить. Одним из таких направлений является амидаизм. В данной статье описывается преломление принципов амидаистской школы "Буддизма Чистой Земли" ("Дзёдо-синсю") в творчестве одного из самых знаменитых поэтов Японии периода Эдо, Кобаяси Исса (1763-1828), формирование его уникального поэтического стиля в соответствии с сострадательной природой и этикой амидаизма. На примере переводов хайку поэта и его дневников показано отражение в его творчестве как общеподдйских тем, так и специфических моментов "Школы Чистой Земли", что служит наглядным образцом выражения силы влияния буддизма на литературу Японии.

Ключевые слова: буддизм, амидаизм, Дзёдо-синсю, Японская литература, хайку, Кобаяси Исса, Япония.

LUGAVCOVA A.P.

BUDDHIST PRINCIPLES IN KOBAYASHI ISSA'S POETRY

Abstract. Buddhism, which came from China in the 6th century, largely shaped the aesthetic ideals of Japanese culture giving it unique and memorable features. Speaking about Buddhist motives in Japanese culture and literature in particular, the Zen doctrine should be mentioned first, but in addition to this doctrine, there were other directions, which had a huge impact on Japanese literature and poetry. One of these directions is Amidism. The paper discusses the refraction of the principles of the Amidist School of 'Buddhism of Pure Land' ('Jodo-Sinsu') in the work of one of the most famous poets of Japan in the Edo period Kobayashi Issa (1763-1828) and formation of his unique poetic style in accordance with compassionate nature and Amidist ethics. Basing on the translations of Kobayashi Issa's *haiku* and diaries, the author shows how the poet's creative work reflected

both the general Buddhist themes and specific moments of the School of Pure Land. This gives a visual example how strongly Buddhism influenced the Japanese literature.

Keywords: Buddhism, Amidism, Jodo-Sinsu, Japanese literature, haiku, Kobayashi Issa, Japan.

Буддизм пришёл в Японию из Китая в VI веке и сыграл огромную роль в развитии страны. Его значение для государственности, экономики и особенно культуры Японии трудно переоценить. Особенно заметно влияние буддизма на трехстишия хайку, чей расцвет связан с периодом Эдо (1603-1868) и творчеством трёх великих мастеров – Мацуо Басё, Кобаяси Исса, Ёса Бусона, творивших культуру страны, восхищаться которой не перестают и в наши дни.

Говоря о влиянии буддизма на литературу, в первую очередь необходимо упомянуть дзэн-буддизм. Дзэн (яп. 禅) – одна из важнейших школ буддизма Махаяны, сформировавшаяся в Китае примерно в V-VI вв. и пришедшая в Японию в конце XII века. Основной целью Дзэн является проникновение в истинную природу ума. Исследователи учения, практиковавшие дзэнскую медитацию, указывают, что сутью учения является «невыразимое», которое невозможно объяснить теоретически или изучить как священную доктрину [Сафронова 1989, с. 149]. Дайсэцу Судзуки, один из крупнейших японских буддологов, так пишет о сути этого учения: «Дзэн – это облако, кочующее в небе. Его ничто не удерживает и не останавливает, оно движется туда, куда захочет» [Судзуки, с. 27]. Особенности мировоззрения, свойственного этой школе, нашли в Японии множество преданных последователей и наложили большой отпечаток на японское восприятие прекрасного. «Весьма вероятно, что самой яркой чертой восточного характера является способность схватывать жизнь изнутри, а не снаружи. И Дзэн-буддизм как раз попал в точку. Равнодушие к форме, являющееся результатом того, что слишком много внимания уделяется важности духа, особенно заметно в живописи» [Судзуки, с. 130] – Дайсэцу Судзуки позже распространяет это утверждение и на японскую поэзию.

Действительно, принципы буддизма прочно вошли в практику стихосложения, став его основой, сформировав характерный стиль японского творчества, отличавшийся краткостью, отрешённостью и тонким восприятием красоты. Мацуо Басё, обучавшийся в дзэнском монастыре, заложил в основы нового жанра принцип внезапного озарения – «сатори» (яп. 悟り),

понятия «ваби» (яп. 侘び) и «саби» (яп. 寂び, «скромная простота»), базировавшиеся на отрешении от материального изменчивого мира, улавливании мимолётной красоты, идеале «бедности», позволяющей не отвлекаться на суетные заботы и созерцать мир в его изначальной прелести. Буддийская эстетика ценит красоту момента: из концепции непостоянства всего сущего следует, что всё кратковременное связано с понятием «прекрасного». Непосредственность, простота, предпочтение важности духа перед формой, взятые из эстетики Дзэна, проявляются и в чайной церемонии, и в выращивании бонсай, и в других ритуалах и традициях.

Однако, несмотря на огромную роль учения Дзэн, существовали и другие направления буддизма, чьи влияния на японскую культуру, в особенности, на литературное творчество, нельзя недооценивать. Одним из таких направлений является амидаизм, чьим преданным последователем был и Кобаяси Исса, один из трёх великих мастеров хайку. Исса не был монахом в полном смысле этого слова – он не принимал сан и не проходил обучение, однако принадлежал к школе Дзёдо-синсю (яп. 浄土真宗), «Истинной Школе Чистой Земли», относящейся к амидаистской ветви буддизма.

«Школа Чистой Земли» сыграла огромную роль в религиозной жизни Японии, поэтому о ней стоит сказать подробнее. Основные идеи «Буддизма Чистой Земли», зародившегося в Китае, были взяты из индийских почти одноимённых сутр, которые были составлены примерно через триста лет после смерти Будды и назывались «Сутрами Чистой Земли». В Японию учение Будды, в истолковании школы Чистой Земли, попало в XII веке, будучи переработанным монахом Хонэнном (1133-1212).

«Школа Чистой Земли» признавала возможность достичь просветления со значительно меньшими по затратам усилиям, нежели предлагали другие школы. Тот же Хонэн (посмертное имя – Гэнку) считал, что изучать наставления, познавать себя и медитировать одновременно – довольно-таки сложное занятие, поэтому тексты школы Чистой Земли, объясняющие пользу чтения мантр, его очень обрадовали. Последователи учения Чистой Земли верили, что просветление Будды пребывает вне времени и пространства, вне границ его земной жизни, что оно персонифицировано во множестве будд и бодхисаттв: они зачастую возлагали свои надежды на силу Амитабхи. У некоторых последователей вера в «другую силу» пре-

обладала над верой в «собственную силу» и заменяла усилия, которые требовалось приложить для достижения просветления.

Один из учеников Хонэна – Синран (1173-1262) – основал собственную школу, известную как дзёдо-син или син-буддизм. А один из учеников Синрана развил учение Чистой Земли, превратив его в еще более сильную и самодостаточную практику, гарантировавшую достижение просветления, даже если ее выполнить всего один раз, но только от всего сердца. Путь Чистой Земли – это легкий путь достижения мира и просветления, где верующему, несмотря ни на какие прошлые ошибки, слабости и недостатки, не будет отказано в просветлении, если он с искренней верой практикует обращение к Амитабхе. Подобные воззрения оказались близки Исса. Он очень быстро проникся духом учения Амиды Будды, в частности, его главными направлениями – реинкарнацией, быстротечностью, состраданием и возвышением обыденного.

В японском дзэн-буддизме и «буддизме Чистой Земли» объяснение пути и духовная реализация последователей через поэзию играют огромную роль. Некоторые из этих стихотворений есть среди канонических комментариев к трём сутрам Чистой Земли – к примеру, стихотворения, созданные Хонэном (1133-1212) и Синраном (1173-1263); в то время как другие поэтические работы были созданы приверженцами буддизма Чистой Земли из различных эпох и сословий, одним из которых и является Исса. В его стихотворениях затрагиваются как общепобуддийские темы, так и специфические моменты «Школы Чистой Земли».

Идея бренности – одна из краеугольных камней буддизма. Такова сущность всех происходящих процессов, всех существующих вещей – они не вечны, всё подчинено природному потоку перемен. Полное принятие непостоянства, как неотъемлемой природы всего сущего, всегда было одним из условий духовного развития. Японская картина мира пропитана ощущением бренности, поскольку это едва ли не самая очевидная часть существования. Характер японца формировался под влиянием географического положения островов, беззащитных перед природными катаклизмами и, как следствие, разорением и хаосом, а также резкими климатическими условиями, где выделялись ярко выраженные четыре сезона. Политическая нестабильность и многочисленные социальные потрясения, вытекающие из всего этого, также влияли на восприятие мира японцем как чего-то зыбкого, эфемерного и неустойчивого.

Квинтэссенция выражения непостоянства мира во всей японской поэзии – хайку Кобаяси Исса:

*Жизнь – лишь росинка.
Капля росы – вот наш мир,
Истинно так, но...*

Отличительной особенностью буддизма Чистой Земли ещё со времён его основателя Синрана, является отсутствие обета безбрачия. Исса, живший век спустя после великого мастера хайку, Басё, женился очень поздно, в возрасте около пятидесяти лет. Однако дети в этом браке умирали один за другим, не дожив до года. Это хайку было написано Исса в годовщину смерти третьего ребёнка, его дочери Сато.

Буддизм предписывает относиться к жизни как к чему-то эфемерному – как к той же росинке, которая чудом держится на листе, готовая в любой момент скатиться. Однако Исса, хотя и был последователем буддизма, вряд ли нашёл утешение в этой мысли. Об этом свидетельствует выдержка из его дневника о событиях тех дней, полная боли и горечи: «Такова обыденная природа самой жизни, что бывшее величайшим счастьем непременно окажется самым большим горем. Но почему – почему моё дитя, не вкусившее ещё и половины всех тех прелестей жизни, что мир готов предложить, которому по праву следует быть столь же свежим и бодрым, как молодые иголки на ветвях вечнозеленой сосны – почему должна она лежать здесь, на своём смертном одре, покрытая вздувшимися волдырями, намертво стиснутая в омерзительных когтях гнусного бога оспы?! Я, отец её, не в силах видеть, как она угасает – день за днём, день за днём – словно чистый, доселе не запятанный цветок под грубым налётом дождей и грязи...» [Исса, “Ora ga haru“ («Моя весна»), <http://etext.lib.virginia.edu/japanese/issa/KobOrag.html>].

Как известно, хайку – очень короткая стихотворная форма, состоящая всего лишь из семнадцати слогов, но столь краткие стихотворения способны пробуждать в читателе множество мыслей и эмоций на сознательном и подсознательном уровнях. Сравнение «мир – росинка» используется для выражения непостоянства, движения, изменения. Лето в Японии очень жаркое и влажное, и на рассвете листья и траву устилает роса, но, стоит взойти рассветному солнцу, она тут же исчезает. Такова и человеческая

жизнь, настолько слабая, что способна истаять в любой миг. Бренный мир непостоянен и полон страданий, и относиться к нему как к чему-то неизбежному глупо, ведь в любой момент росинка твоей жизни, как и любой другой, может сорваться с поверхности листа. Однако Исса, от которого один за другим уходят дорогие люди, явно не может согласиться с буддийским постулатом.

Поэтому, когда он пишет: «Капля росы – вот наш мир», он подтверждает суть учения о бренности мира – жизнь коротка, а смерть неизбежна. «...Жизнь – лишь росинка» – беспристрастное суждение, философское наблюдение, абстрактная правда. Это реальность, далёкая от поэта. «Истинно так, но...» уже является той реальностью, которая соприкоснулась с самим Исса, криком его души. Да, говорит поэт, я знаю, насколько непостоянна и хрупка человеческая жизнь, и это естественно, но, когда смерть забирает мою дочь, я не могу невозмутимо принять это!

Приверженцы буддизма Чистой Земли говорят, что эта привязанность, неспособность быть беспристрастным, есть суть Великого Милосердия Будды Амиды, позволяющим Исса стать истинным человеком, быть самим собой. Всю жизнь слушая Учения, Исса осознал принцип Милосердия, Исконного Завета Амиды, направленного на него самого, глубоко связанного узами кармы. Внутри безграничного Милосердия Амиды поэт может свободно скорбеть: «истинно так, но...». Так Исса по-своему провозглашает пустоту, свободу быть собой, настоящим человеком. Истинное милосердие позволяет ему выражать любые человеческие чувства – радость, печаль, триумф, потери. Поэт может проявлять свою натуру, потому что Исконный Обет направлен на тех, кто не может освободиться сам. Мудрость и милосердие Будды Амиды пронизывают все действия непросветленных существ, и для любого из них, в особенности для тех, кто отягощен прошлыми грехами, есть путь к освобождению.

Через трагедий, затронувших его семью, смерть троих детей и любимой жены не могли не наложить отпечаток на творчество Исса. Для последователя Школы Чистой Земли, к которой принадлежал поэт, перерождение в Чистой Земле естественно, и к долгой жизни многие из них относились довольно равнодушно. Исса, оставшийся без детей, тяжело больной, подтверждает это в хайку, которое формально считается посмертным:

«Жить дальше – а смысл?»

*Черепаша проживёт
В сотню раз дольше»*

Непостоянство в японском буддизме Чистой Земли воспринимается с разных углов и со множеством нюансов. Это печальная часть жизни, но и дарующая свободу, насколько прекрасная, настолько и прискорбная. Но для приверженцев Школы Чистой Земли главное – непостоянство и смерть открывают двери в Рай Будды Амиды.

Следующая буддийская тема, часто встречающаяся в поэзии приверженцев Школы Чистой Земли – страдание. Как утверждает Реверенд Параскевополус: «Больше, чем другие традиции Будды-Дхармы, школа буддизма Чистой Земли была чувствительной к страданию, жизни в кругу сансары тех, кто борется с личными слабостями и кажущимися непреодолимыми барьерами гнева, жадности и невежества в погоне за просветлением». В поэзии японского буддизма Чистой Земли мир, в котором мы живём, часто сравнивается с адом.

Исса часто описывает этот мир как юдоль страданий:

*Последние дни
Испорченного мира...
Но вишня цветет!*

В этом стихотворении Исса говорит об идее Маппо или «Эре деградации Дхармы», но противопоставляет её цветущей вишне. Даже в эпоху Маппо, даже в прогнившем мире есть место красоте. Хотя нет прямой аналогии между цветом вишни и Чистой Землей, Исса может подразумевать, что Благословенная Земля Амиды всё ещё достижима, даже в эти времена. Понимание природы страдания (сансары) – конечно, стимул преодолеть его. Контраст между сущностью этого мира, полного страданий, и сущностью благословлённой Чистой Земли, как и Великим состраданием Будды, часто изображается в работах приверженцев Школы Чистой Земли.

Понимание страдания в японском буддизме Чистой Земли сочетает в себе осознание его как сущности этого малопривлекательного мира и стремления покинуть его. Хотя большой акцент сделан именно на пережитых неприятных моментах, страдание также воспринимается как полезное напоминание и стимул, без которого приверженцы Дзёдо Синсю не отри-

нут теперешнее бытие ради принятия сострадательного обета Амиды. Всё понимание и практика Школы Чистой Земли базируется на милосердной сущности Амиды Будды, без которой для её приверженцев, живущих в этой развращенной эпохе, нет никакой надежды. Только благодаря Обету Амитабхи возможно достижение просветления, или нирваны, для того, кто глубоко верует в путь нэмбуцу.

Пожалуй, в истории буддизма не найдется более противоречивого и сложного понятия, чем нирвана – конечная цель каждого буддиста, для себя или для всех существ. У него существует множество интерпретаций. Обычно считается, что нирвана есть конец страдания или высшая свобода. В традиции буддизма Чистой Земли, за исключением школы Дзёдо Синсю, считается, что нирваны можно достигнуть после некоторого времени, проведенного в Чистой Земле Амитабхи. Однако в случае Дзёдо Синсю Синран утверждал, что сама Чистая Земля и есть нирвана для тех, кто достиг её путём абсолютного следования Завету Будды Амиды. Синран пишет об этом так: «...когда они достигают этого мира-лотоса, они немедленно постигают суть дхармы» [Faungor, с. 7]. Он утверждает в «Гимнах Чистой Земли»:

*Татхагата – не что иное, как нирвана;
Нирвану зовут сутью Будды.
Будучи глупыми, жалкими существами, мы не в состоянии постичь
её,
Мы постигнем её, когда ступим на землю Мира.*

Впоследствии он утверждает:

*Разум, что направлен на спасение всех живых существ,
Видит нас благодаря мудрости Завета Амиды.
Те, кто понимают это истинное доверие, обращенное к нам,
Достигают великого, абсолютного просветления.*

Поскольку для последователей Дзёдо Синсю понятия Сукхавати и нирваны тождественны, но они всё же относятся к традиции буддизма Чистой Земли в целом, в поэтических творениях её последователи обра-

щуются к «Чистой Земле» в противоположность нирване. Исса описывает свои чувства на эту тему так:

*Прохлада лета –
Врата в Чистую Землю
Будды
Прохладный ветер
За окном – Рай
Чистой Земли!*

Поскольку Школа Чистой Земли относится к буддизму махаяны, ей чужда идея личного освобождения без освобождения всех живых существ. Это также дает понять, что для последователей Дзёдо Синсю Чистая Земля и есть нирвана, и, достигнув её, душа немедленно возвращается в этот мир страданий, чтобы помочь другим. Хотя в целом нирвана в традиции Буддизма Чистой Земли воспринимается как нечто далёкое и достигаемое только после учения в Земле Благословенной, в главной японской школе Чистой Земли – Дзёдо Синсю – достижение Чистой Земли приравнено к достижению нирваны, и основной акцент сделан на возвращении в этот мир ради блага всего сущего.

Самая важная черта буддизма махаяны в целом – акцент на сострадательной природе будд и бодхисаттв. Хотя сострадание также представлено в традиции Тхеравады и имеет там большое значение, в буддизме махаяны ему и мудрости уделена ключевая роль. Сострадание – суть пути бодхисаттв, то, что движет всеми их поступками. Один из самых популярных толкователей пути бодхисаттв, Шантидева, утверждает: «Как нет никакого удовольствия в мыслях, когда тело в огне, так нет и пути для Милосердных стать счастливыми, когда кто-то страдает». Поэтому Исса восхваляет мастеров, несущих Дхарму:

*Сострадательным
Святым Будды – хвала!
Чистая вода...*

Таким образом, сострадание играет необычайно значимую роль в мировоззрении и поэзии приверженцев японской Школы Чистой Земли. В

основном оно соотносится с Великим Милосердием Будды Амидабхи и его Исконным Обетом, способным перенести в Рай всех живых существ, что веруют. А те, что переродятся в Чистой Земле, из милосердия наставляют других и стремятся вернуться в юдоль страданий для блага всего сущего.

Именно сострадательная природа амидаизма оказалась наиболее близка Исса и сформировала его уникальный стиль. Этические принципы буддизма также оказали большое влияние на его творчество. Он не создал собственной поэтической школы, однако его стихи невозможно спутать ни с чьими другими. Выработанная им поэтическая манера ещё при его жизни получила название «стиль Исса». Исса перенял от Басё принцип «возвышения низкого», но от дистанцирования, присущего великому предшественнику, отказался. Явная особенность его стихов состоит в том, что животные, насекомые, растения играют в них такую же роль, как и сам поэт. Он относится к ним как к равным себе, наглядно воплощая буддийский принцип равенства всего живого.

В дневнике Исса «Моя весна» одна запись посвящена каштану, который он как-то посадил в углу своего сада. Каштан дал росток, но сосед поэта добавил к своему дому пристрой, снег с крыши которого каждый год обрушивался на деревце и ломал его. Исса, полный сочувствия и жалости к маленькому деревцу, обречённому год за годом начинать жизнь заново, так пишет о нём:

«...Бедное деревце не имело ни силы, чтоб зацвести и дать плоды, ни удачи, чтоб хотя бы умереть. Существование для него – борьба за то, чтоб просто оставаться высотой в локоть. Вряд ли это можно назвать жизнью даже для дерева...» [Исса, “Ora ga haru» («Моя весна»), <http://etext.lib.virginia.edu/japanese/issa/KobOrag.html>].

Однако здесь же он проводит параллель с собственной судьбой:

«...Впрочем, и моя жизнь не особо-то отличается от него. Я был первым ребёнком – первым бутонем, который должен распуститься – в своей семье – и, однако же, мне было уготовано место рядом с семенами, рожденными позже. Меня трепал холодный ветер со склонов «горы-мачехи», я не знал ни единого дня, когда мог бы насладиться свободой под бескрайним небом. Поистине, чудо даже для меня самого, что тонкая нить моей жизни умудрилась растянуться на эти сорок семь лет – о, дорогой мой каштан, прости меня! Я и не думал о том, что тебе придётся перенять ма-

неру моей несчастливой жизни, когда посадил тебя в своём саду...» [Исса, “Ora ga haru» («Моя весна»), <http://etext.lib.virginia.edu/japanese/issa/KobOrag.html>].

Отождествляя себя в этой записи с крохотным деревцем, из года в год терзаемым обрушивающимся с крыши снегом, Исса тем не менее пишет: «Для всего существует своя причина». Здесь прослеживается явное влияние буддизма. Маленький, неприметный каштан поэт описывает с таким состраданием и болью за судьбу саженца, как если бы он был ему родным; Исса признаёт извечное право на жизнь вообще за любым существом, видя частицу Будды даже в тех созданиях, которые вызывают чувство гадливости даже у простых людей, не говоря уже о поэтах хайку:

*Вот в доме моём
И мухи годом старше...
Берег залива.*

*Старый пёс застыл,
Словно песнь услышал вдруг
Дождевых червей.*

Исса зачастую нарушает устоявшиеся эстетические нормы хайку, выбиваясь и из образного ряда, и из поэтического языка. Переняв у Басё принцип «возвышения низкого», он раскрепощает хайку, пользуясь в стихах простым, разговорным языком, избыливающим диалектизмами и крепкими для поэзии того времени словечками, но, что парадоксально, его стихи не становятся от этого вульгарнее. Исса видит то, мимо чего все остальные спокойно проходят, и заставляет обернуться, присмотреться ещё раз, заново осмыслить привычные вещи, о которых никто до него не писал:

*Выкурить хотел
Комаров я, но вскоре –
И светлячков нет.*

*Лягушки сейчас
Ссорятся, не иначе,*

Расквкались как!

Исса считает, каждое проявление Жизни достойно любви, и эту самую любовь и нежность ко всему живому он щедро выражает в своих стихах. «Не убей живого» – предписывал Будда, и Исса с радостью поддерживает данный принцип. Хотя в целом его вряд ли можно назвать фанатично верующим человеком, поскольку среди хайку Исса встречаются и такие, где он откровенно подшучивает над монахами или религиозными атрибутами. Юмор, не злободневно-сатирический, а добродушный и ироничный – ещё одна особенность поэзии Исса.

*Были бы людьми –
Точь-в-точь как Будда стали б
Эти трепанги!*

*В огромном носу
Статуи Будды пиццат
Птенцы воробья.*

Кроме того, если говорить о стихах Исса про животных, там порой встречается мысль о том, что некие ценности одинаково подходят как для людей, так и для братьев наших меньших. В своих хайку он неоднократно это подчеркивает:

*Слива зацвела
Для соловьиной семьи –
Пусть любятся!*

Красота природы едина для всех существ, и все наслаждаются ею. Поэт пишет стихи о сливовом цвете, а соловей прославляет его своими песнями – Исса уверен, эстетическое чувство не ограничивается исключительно человеческим восприятием.

*Рождество Будды –
Пухленькие воробьи
С родителями...*

*К храму Дзэнкодзи
И воробьи привели
Птенчиков своих.*

Воробьи привели своих птенцов вслед за паломниками в храм Дзэнкодзи – главный буддийский храм Школы Чистой Земли провинции Синано, откуда родом сам Исса. Там находится изображение Будды Амиды, которое славится тем, что способно обеспечить тебе перерождение в пресловутой «Чистой Земле» – подлинном рае Будды. И Исса, увидев птиц, прилетевших в Дзэнкодзи, полагает, что даже воробьи желают своим детям высшего счастья – перерождения там, где любое существо обретет блаженство, потому и привели их в это благодатное место. Приведенное выше хайку иллюстрирует: поэт искренне уверен, что животные тоже способны обрести спасение – в том смысле, в каком его понимает буддизм.

Птенцы, детёныши животных, дети в целом – предмет особой любви и привязанности Исса. Он пишет и о чувстве родительской любви, и о тоске покинутых детей, есть у него стихи и с биографическим подтекстом – детство занимает в его поэзии весьма внушительную нишу, и хайку на эту тему отличает удивительная эмоциональность и пронзительная нежность. Тема детства для Исса, рано оставшегося без матери, потерявшего любимую жену и детей, и болезненна, и дорога одновременно.

*Лети же ко мне,
Воробьишек-сирота,
Вместе веселей!*

Буддийские принципы, в которых одним из основных считается бережное, сострадательное отношение ко всему живому, нашли отклик в сердце Исса и оказали сильное влияние на формирование его уникального, отличающегося особым гуманизмом поэтического стиля. Исса относится к героям своих стихов (животным, насекомым) так же, как к людям, и сам открыто заявляет, что жизнь любого живого существа равна человеческой и никоим образом не может цениться ниже её. По нашему мнению, это является одной из основополагающих идей в его поэзии, явно демонстрирующей силу влияния буддизма и его принципов на японскую литературу и культуру в целом. Пришедший из Китая в VI веке буддизм во многом

сформировал эстетические идеалы японской культуры, наделив её уникальными и запоминающимися чертами – естественностью, простотой, искусством намёка. И, бесспорно, одним из самых наглядных образцов выражения японского «чувства прекрасного», возвращенного эстетикой буддизма, является японская классическая поэзия, считающаяся венцом «золотого века японской культуры», к которому с полным правом относятся хайку великого мастера Кобаяси Исса.

Литература

Дайсэцу Судзуки. Введение в дзэн-буддизм. – URL: https://vbuddisme.ru/wiki/Введение_в_дзэн_буддизм._Судзуки.

Сафронова Е.С. Основные направления распространения дзэн-буддизма в странах Запада // Вопросы научного атеизма: Мистицизм: проблемы анализа и критики / Под ред. В.И. Гараджа. – М.: Мысль, 1989. – № 38. – С. 147-166.

Fayngor, A. The Main Topics of Japanese Pure Land Buddhist Poetry. URL: http://www.nembutsu.info/ESBC17_Arkady%20Fayngor.pdf.

Lanoue, D. Haiku of Kobayashi Issa. – URL: <http://haikuguy.com/issa/index.html>.

Makoto Ueda. Dew on the Grass: The Life and Poetry of Kobayashi Issa. – BRILL, 2004. – URL: <http://books.google.ru/books?id=Aerr0UOWRPMC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Of Human Bondage and Divine Grace – A Global Testimony, edited by John Ross Carter: “When Broken Tiles Become Gold”, Taitetsu Unno, p. 134-136.

おらが春 . («Моя весна») – URL: <http://etext.lib.virginia.edu/japanese/issa/KobOrag.html>.

一茶発句全集. (Полное собрание хокку Кобаяси Исса) – URL: <http://www.janis.or.jp/users/kyodoshi/issaku.htm>.